

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ СКВОРЦОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры истории России и зарубежных стран
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3287-4154; artyom-skvorcov@yandex.ru

ВВЕДЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИЯМ ПО АНТИЧНОСТИ 1940-Х ГОДОВ И СОВЕТСКАЯ ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении специфических черт диссертационной культуры антиковедов 1940-х годов на основе изучения Введений к диссертациям, защищенным в Ленинградском государственном университете. Новизна заключается в рассмотрении квалификационных сочинений на ученую степень как отдельного вида историографического источника, исходя из целеполагания самих соискателей. Актуальность обусловлена количественным ростом в последнее десятилетие исследований по истории диссертационной культуры, однако историографами не было предложено удовлетворительной программы анализа самих диссертаций. Автор устанавливает, что если на раннем этапе имелась определенная свобода в структурировании диссертаций, компоновке и изложении вводной части, то с конца 1940-х годов в связи с развернувшимися идеологическими кампаниями усиливаются формальные требования к представляемым на диспут научным сочинениям. В результате образуется разрыв в едином нарративном пространстве диссертаций: Введение по выдвинутым в нем положениям как бы обособляется от основного текста. Оно становится насыщенным враждебной по отношению к «буржуазной» науке лексикой и цитатами из марксистской литературы. Актуализация темы, постановка задачи, историографический обзор приобретают идеологический характер. Эти элементы становятся критериями оценки всего проведенного исследования.

Ключевые слова: Ленинградский государственный университет, диссертационная культура, история науки, антиковедение, советская наука об античности

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 24-28-01315 «Послевоенный классицизм: социальный заказ и интеллектуальное пространство советских специалистов по древней истории, 1945–1956 гг.».

Для цитирования: Скворцов А. М. Введения к диссертациям по античности 1940-х годов и советская диссертационная культура // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 104–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1152

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время появляется все больше исследований в области «диссертационной культуры» [3: 15], которые чаще всего представляют собой статьи, посвященные истории получения искомой степени каким-либо ученым. В основании такого рода научных статей обычно лежат архивные диссертационные дела из фондов учебных и научных учреждений. Но в этих архивных делах, как правило, отсутствуют сами диссертации, поскольку не требовалось их отсылать в ВАК, а до 1944 года – и в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Для изложения концепции и положений, выносимых на диспут, историографы прибегают к тезисам

(объемом 1–2 страницы) либо к более поздним печатным изданиям (статьям и монографиям), не всегда дающим адекватное представление о самой диссертации.

Диссертация как квалификационное сочинение может рассматриваться не только как источник информации о концепции автора, но и как отдельный вид историографического источника. Понятие «историографический источник» в данной статье используется в том смысле, какой представлен в учебнике «Источниковедение» 2015 года под редакцией М. Ф. Румянцевой¹. В этом издании за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников предложен принцип целеполагания авто-

ра – создателя источника, а не целеполагание историографа-исследователя, а значит, и классифицировать такие источники следует не по цели современного исследователя, а исходя из представлений и задач самого автора (в данном случае историка – соискателя ученой степени), прошлого и культурного контекста его времени, то есть применять к этому понятию те же самые принципы, что и в отношении источников иных видов [6: 535]. В данной статье предполагается рассмотреть диссертацию с точки зрения диссертационной культуры своего времени. Содержательная же сторона исследований (выводы) нас будет интересовать в меньшей степени.

Архитектоника и повествовательная канва диссертации – результат творческого процесса, отражающего индивидуальные поиски конкретного исследователя. Но диссертация как квалификационное сочинение является одновременно и воплощением ряда конвенций научного сообщества [3: 366], что подразумевает наличие в ее структуре и тексте некоторых маркеров, служащих прежде всего цели аттестации соискателя. Наибольшее их число сконцентрировано во Введении (или, как иногда именовали эту часть в исследуемое время, Предисловии), где формулируются и развиваются теоретические положения, выявляющие элементы диссертационной культуры. Далее будет рассматриваться именно эта часть диссертации.

В качестве объекта исследования выступают диссертации антиковедов. Как известно, антиковедение – комплексная дисциплина, включающая в равной степени как историю, так и филологию. Наше внимание будет сосредоточено на филологах-классиках Ленинградского государственного университета. Кафедра классической филологии в Ленинграде была воссоздана в 1932 году в структуре ЛИФЛИ [8], а в 1937 году – снова возвращена в ЛГУ. Первая защита по этой кафедре прошла в 1935 году, в результате которой О. М. Фрейденберг, зав. кафедрой, была присуждена степень доктора филологических наук, однако самой диссертации ни в архиве, ни в библиотеке университета не сохранилось. Известно, что на основе этой диссертации в 1936 году издана монография – «Поэтика сюжета и жанра (период античной литературы)». Однако монография и диссертация, хотя и относятся к одному стилю речи, но все же разнятся по своему целеполаганию и специфике, поэтому нам не представляется возможным строить свои рассуждения о диссертационной культуре на основе вышедшей публикации. Собственно, диссертации филологов-классиков сохранились с 1941 года: в начале войны И. М. Тронский представил ква-

лификационную работу в виде учебника на соискание ученой степени доктора филологических наук «История античной литературы». За период 1941–1950 годов всего было защищено 12 диссертаций: две докторские (И. М. Тронским (1941), С. Я. Лурье (1944)), 10 кандидатских (Т. Н. Чикалиной (1943), С. В. Поляковой (1945), Н. В. Вулих (1946), Б. Л. Галеркиной (1946), Т. А. Красоткиной (1947), Н. С. Гринбаумом (1948), В. В. Каракулаковым (1948), К. П. Авдеевым (1949), Л. М. Черфас (1950), Н. А. Чистяковой (1950)). Ныне экземпляры этих диссертаций хранятся в Научной библиотеке им. М. Горького в СПбГУ.

ДИССЕРТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ УЧЕНЫХ СТЕПЕНИХ

Прежде всего необходимо ответить на вопрос: было ли единообразие в структурировании диссертаций? Первичный обзор выбранных диссертаций дает основание ответить на этот вопрос отрицательно. У Т. А. Красоткиной и Н. А. Чистяковой отсутствует Введение, у Т. Н. Чикалиной и С. Я. Лурье – Оглавление; до 1947 года (включительно) во всех отобранных диссертациях нет Списка литературы и Заключения. Прослеживается вариативность в оформлении титульного листа. Для понимания истоков такой рассогласованности следует обратиться для начала к нормативно-правовым документам 1930–1940-х годов о диспутах.

В постановлении 1934 года «Об ученых степенях и званиях» определяется, что докторская диссертация «должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес». Кандидатская же «диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины» [9: 47–51]. Другими словами, требования к самой диссертации со стороны правительственные структур прописывались самым общим образом (что считать, например, «значительным научным интересом» или «общими теоретическими знаниями»?), поэтому возникало широкое поле для трактовок сформулированных критерий.

В приказах, инструкциях и постановлениях ВКВШ за первую половину 1940-х годов обращалось внимание на актуальность и значимость для науки проблематики диссертаций, глубину разработки поставленных вопросов, форму изложения, оговаривалось содержание титульного листа [2: 43–46]. Другими словами, нормативные документы 1930–1940-х

годов решали в основном бюрократические вопросы, но не регламентировали сам диссертационный труд. Его структура в целом и наполнение Введения в частности были предметом внимания по сути научного сообщества, которое реализовывало свои, сложившиеся порой в течение десятков лет представления о квалификационных сочинениях различных уровней. Однако и внешняя среда, а именно политico-идеологические процессы, не могла не сказываться на формулируемых правилах.

Думается, объяснение довольно свободной структуры диссертаций до определенного времени кроется не только в специфике законодательства, но и в традициях, идущих с дореволюционных времен. Оппоненты в отзывах часто называли диссертацию книгой, иногда – монографией. Такой формат подразумевает выбор собственного пути решения поставленной проблемы, а соответственно, и творческой компоновки имеющегося материала. В этом отношении и Введение, предваряя авторское изложение, служит задаче кратко ввести в курс дела и настроить читателя на выбранный исследователем ракурс.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВВЕДЕНИЯ В ДИССЕРТАЦИЯХ

Уже в дореволюционный период сложилось представление о том, что Введение формулирует исследовательское поле диссертационной работы и служит для демонстрации базовых исследовательских навыков и академических конвенций [3: 366–367]. По нему можно судить о некоторых правилах и установках, принятых в научном сообществе, а при наличии разновременных образцов – выявлять динамику этих представлений и факторы, под влиянием которых она осуществлялась.

Определим некоторые общие параметры во Введении. В исследуемое время эта часть диссертации представляла собой сплошной последовательный текст без выделения рубрик. Введение не обходилось без постановки проблемы либо, как чаще писали, задачи. Причем этот элемент вводился описательно: «речь будет идти о...», «основная путеводная нить исследования...», «нас интересует...», «данная работа переводит проблему» в такую-то область, «настоящая работа посвящена» тому-то и др. Другими словами, здесь наблюдается лексическое разнообразие. Проблематика формулировалась не телеграфно, а являлась органической частью текста. Приведем пример из диссертации Б. Л. Галеркиной:

«Нас интересует структура, независимая от особенностей каждого трагика, от его манеры подачи сюжета, от стиля и словарного запаса, т. е. от всего того,

что так тонко исследуется, уже не говоря о старых работах, вышедших за последнее десятилетие»².

У Т. Н. Чикалиной задача плавно вытекает из особенностей источника, с которым она работает. Определив уникальность «Законов XII таблиц», заключающуюся в наличии в этом римском юридическом памятнике архайической лексики и синтаксиса, соискатель отметила неверное восприятие в современной науке своего основного источника как модернизированного в ходе неоднократного переписывания его положений более поздними авторами, отсюда можно понять главную задачу Чикалиной, выраженную имплицитно, – изучение особенностей языка древнейшего права³. Встречаются диссертации и с конкретной формулировкой задачи, причем одной, являющейся, по мысли автора, основной, которая найдет разрешение в Заключении (если таковое подразумевалось). Но и в этом случае она звучала в самом общем виде. Так, Н. В. Вулих ставила своей задачей исследование специфических особенностей поэзии Катулла⁴. Второстепенные промежуточные задачи (например, обращение к текстологии, часто встречающееся в то время в квалификационных сочинениях по классической филологии) обычно ставились по ходу изложения, в основном содержании работы.

По нашим наблюдениям, с конца 1940-х годов в диссертациях прослеживается уже более точная формулировка задачи. В. В. Каракулаков в 1948 году пишет:

«Одна из задач моего исследования будет состоять из попытки подробного разбора построения речей, произносимых действующими лицами Аристофана, из выявления реторических мест, речевой техники, служащей для введения различных частей речи и отдельных аргументов, и реторической терминологии, которой пользуется наш поэт, установление источников этих сведений у Аристофана»⁵.

Заметим, что описанная задача имеет комплексный характер и распадается на несколько составляющих. Такой же подход к пониманию формулировки задачи обнаруживается в диссертации Н. С. Гринбаума (в том же 1948 году). Заметим, что у Каракулакова и Гринбаума был один научный руководитель – академик И. И. Толстой.

Неизменным сюжетом Введения являлось также обоснование актуальности. Важность проведенного исследования до 1948 года преимущественно определялась: уникальностью изучаемой эпохи, своеобразием проанализированного источника, насущными вопросами современной науки. Во время Великой Отечественной войны распространенной была актуализация через запросы современности.

С. Я. Лурье, обращаясь к исследованию древнегреческих трагедий, называет свою диссертацию, защищенную в 1944 году, довольно показательно: «Художественная форма и вопросы современности (курсив наш. – A. С.) в аттической трагедии», заставляя читателя задаться вопросом: о какой «современности» будет идти речь – актуальной для античных авторов или для читателей XX века? Основной посыл соискателя, изложенный в начале квалификационного труда, заключается в том, что для правильной трактовки трагедий Еврипида, написанных в период войны, надо «проникнуться как можно глубже теми настроениями, которыми жили афиняне эпохи Пелопоннесской войны», и условия Советского Союза образца 1944 года, по его мнению, в этом помогают⁶. Тем самым С. Я. Лурье в своем повествовании как бы соединяет две эпохи – древнюю и современную. Указанная тенденция осовременивания древности в научных публикациях военных лет преобладала [7], но не являлась нормативом. Например, Т. Н. Чикалина в 1943 году пишет Введение так, что нельзя и заподозрить, что автор готовит диссертацию в годы войны: она актуализирует объект своего исследования, как уже отмечалось выше, через распространенное в науке неверное представление о характере памятника «Законы XII таблиц».

Наиболее часто встречающимся способом актуализации исследования (особенно в кандидатских диссертациях) являлась критика работ предшественников и отрицание сложившихся в историографии суждений. Нарочито противопоставлялось собственное исследование и труды предшественников. Но в диссертациях, как правило, отсутствует полноценный обзор историографии. Обычно соискатели ограничиваются указанием наиболее важных, по их мнению, работ (прежде всего монографий). Но и такой подход позволял удачно представить свой вклад в науку и заявить о себе как оригинальном исследователе, с другой стороны – показать для широкой общественности, что и в классической филологии (вопреки распространенному мнению) есть белые пятна. Н. С. Гринбаум после «разгромной» критики «буржуазных» ученых за изучение ими языка Алкея в отрыве от конкретных исторических условий его появления пишет, что ставит своей задачей показать «настоящее лицо» Алкея⁷.

Особенно важное значение Введение приобретало в тех работах, в которых взгляды соискателей радикально расходились с традиционными научными представлениями. Этот тезис можно проиллюстрировать на материалах диссертаций учениц О. М. Фрейденберг – С. В. Поляковой

и Б. Л. Галеркиной. Для первой из них античный исторический эпос представлял интерес не с точки зрения сообщаемых им сведений о прошлом, а как совокупность образов, которые она и пытается выявить, устанавливая их генетическую связь с ранними представлениями человечества о мироздании. По ее мнению, исторический эпос античности слабо отличается от других произведений классической древности, поскольку содержит космогонические метафоры, позволяющие обнаружить эсхатологические представления греков и римлян и судить о циклическом восприятии ими процесса истории, то есть как смены гибнущих и нарождающихся этически полярных систем⁸. Б. Л. Галеркина в своей диссертации также стремилась продемонстрировать новый подход, чему служил обзор историографии во Введении. Для соискателя важно подчеркнуть, что ее интересует именно структура трагедии, независимая от особенностей каждого драматурга – манеры подачи сюжета, стиля и словарного запаса. Она заявляет о недостаточности «для науки XX столетия с ее сильно выдвинутыми проблемами генетики» рассмотрения литературных памятников в плане их функционирования в контексте исторической эпохи и далее излагает свое понимание агона – композиционного элемента греческой трагедии – как архаичного ритуала столкновения активного и пассивного начал⁹. По сути позиции своих предшественников (в том числе и коллег по кафедре классической филологии ЛГУ) в отношении греческих трагедий Б. Л. Галеркина характеризует как устаревшие, но использует для этого относительно корректное прилагательное «недостаточные». Но все же ее в некотором смысле воинственная позиция здесь вполне очевидна.

В диссертациях военных и первых послевоенных лет (до 1948 года) практически не наблюдалась идеологической подоплеки в критике зарубежной («буржуазной») историографии. Ее вклад оценивается объективно, без известных для советской науки клише. Более того, можно встретить прямое принятие некоторых выдвинутых в мировой филологии идей. Так, Б. Л. Галеркина соглашается и даже берет за основу рассуждения английского литературоведа Д. Мюррея, который наметил в творчестве Еврипида две тенденции: одну, принадлежащую лично трагику и выраженную в характерном для него разнообразии в области сюжета, другую – в строгом следовании афинским драматургом тем формам ритуала, которые имеются в трагедии как жанре. Соискатель соглашается и с пониманием агона как столкновения, в котором демон, дух года, сражается со своим противником¹⁰.

Определенно можно сделать вывод, что некоторые содержательные изменения в структуре диссертаций, и в частности во Введении, начали происходить с 1948 года. Современный исследователь П. А. Дружинин сделал вывод об обострении идеологической работы на филологическом факультете ЛГУ в 1947/48 учебном году в связи с развернувшейся кампанией борьбы с «низкопоклонством перед Западом» [4: 554–565]. С этого же времени заметной тенденцией стало формулирование проблематики литературоведческих диссертаций с использованием характеристик общественно-политического контекста, в котором творил античный автор. Неизменными элементами Введения оказываются и отсылки к произведениям классиков марксизма-ленинизма. О том, что цитирование подобной литературы становится требованием, причем, вероятно, неожиданным, свидетельствуют два наших наблюдения. У Н. С. Гринбаума и В. В. Каракулакова набор используемых цитат практически идентичный, хотя первый из них писал о греческом поэте архаического периода Алкее (последняя четверть VII – первая четверть VI в. до н. э.), второй – о теории речи у Аристофана, творившего в эпоху Пелопоннесской войны и последовавшего за ней кризиса греческого полиса (420-е – 380-е гг. до н. э.). Каракулаков благодаря соответствующим ссылкам на идеологическую литературу определил изучаемое им время как высочайший взлет греческой культуры, а также вывел развитие софистики из условий демократического общества, где ценится мастерство публичных выступлений¹¹. Использование порой весьма далеких от предмета исследования цитат из марксистской литературы, в которой, как правило, общими фразами описано существование той или иной эпохи, позволяло в некоторой степени актуализировать свою тему в глазах неспециалистов, у которых могло создаваться впечатление об интересе и К. Маркса, и Ф. Энгельса, и В. И. Ленина к анализируемым сюжетам.

Квалификационное сочинение Л. М. Черфас, подготовленное в 1948, но защенное в 1950 году, также иллюстрирует изменения, произошедшие в практике подготовки диссертаций в конце 1940-х годов. Страницы 1–2, 6–11а, 18 имеют следы вклейки. Их анализ показывает, что все они содержат либо ссылки на классиков марксизма-ленинизма, либо жесткую критику зарубежных авторов. Первый же лист посвящен пристальному вниманию советского литературоведения к проблеме художественного перевода (с перечислением фамилий советских авторов, которые внесли вклад в общую теорию перевода). Очевидно, Черфас была усиlena

критика «буржуазных» авторов, по отношению к которым в переработанном варианте Введения используется уничижающая лексика. Особенно много примеров содержится на странице 9: зарубежные ученые «несостоятельны в разработке проблем перевода»; «неудовлетворительно», «поверхностно» и «формально» разрешают научные вопросы; не понимают, «что литература, один из видов идеологии, зависит от социально-экономической структуры общества, а выбор переводимых (римлянами. – А. С.) произведений определяется идеологическими потребностями».

В работе Н. А. Чистяковой 1949 года, посвященной «Аргонавтике» Аполлония Родосского, нет Введения, но в первой главе характеризуется эпоха III века до н. э., когда жил эллинистический поэт. Используя полученные выводы, автор пытается выйти на проблему мировоззрения своего главного героя. Такой подход Н. А. Чистякова объясняет указаниями А. А. Жданова (в связи с его выступлением по книге Г. Ф. Александрова об истории философии в 1947 году) на необходимость связи изложения отдельных философских систем и конкретной исторической обстановки¹².

Примерно четверть всего объема диссертации Н. А. Чистяковой занимает первая глава, содержащая в большей своей части обзор исследовательской литературы. Здесь критикуется «буржуазная» историография (В. Тарн, М. И. Ростовцев), ей резко противопоставляется точка зрения об эллинизме как этапе развития рабовладельческого общества, заимствованная у А. Б. Рановича. Особенности же эллинистического эпоса как стадиально нового жанра соискатель устанавливает через характеристику развивающихся в это время предпосылок для складывания более прогрессивной общественно-экономической формации¹³. Однако в целом у Н. А. Чистяковой не получается создать логически плавного перехода от определения сущности эллинизма к изложению мировоззрения поэта: не совсем, например, понятной оказывается связь между новым этапом рабовладельческого общества и пессимистическими настроениями Аполлония или его тяготением к старому греческому мировоззрению. Один из оппонентов, И. М. Тронский, указал на несогласованность и бросающуюся в глаза разновременность написания первых двух, наиболее идеологически выдержаных глав («Аполлоний Родосский и его время», «О литературных разногласиях в Александрии III в. до н. э.») и последующих, где представлен анализ образов главных героев «Аргонавтики» (Медеи и Ясона) и разбор композиции этого произведения¹⁴. В отношении «буржуазной» науки Н. А. Чистякова использует довольно резкие слова, напри-

мер «ошибки», «непонимание», «игнорирование», «порочные выводы». Она бранит зарубежных коллег за формально-эстетический подход и рассмотрение автора и его произведения в отрыве от конкретно-исторической обстановки. В последних строчках в качестве доказательства своей правоты ссылается на В. И. Ленина, который заявлял о невозможности существования аполитичной литературы ни в прошлом, ни в настоящем¹⁵.

Показательно также, что Заключение с 1948 года стало постоянной структурной единицей диссертации. В нашей выборке квалификационных работ оно оказывается идеологически заостренным, наполненным цитатами из произведений основоположников марксизма. Проведенное исследование подается в контексте борьбы с «буржуазной» наукой, а методы и подходы советского литературоведения характеризуются как перспективные и единственно дающие плодотворные результаты. Так, Н. А. Чистякова в Заключении настаивает на отказе от «формально-эстетического метода» в изучении литературы, в рамках которого Аполлоний рассматривался как бездарный эпигон великого Гомера. Литературную борьбу Аполлония и Каллимаха она рассматривает на фоне политических процессов III в. до н. э. Пессимистический настрой автора «Аргонавтики» и его обращение к прошлому, по мнению диссертанта, связаны с критическим отношением поэта к действительности¹⁶. Для доказательства преимуществ выбранного подхода соискатель утверждает, что выявленные ею аллюзии на конкретные политические тенденции (обоснование греко-македонского господства в Африке, провозглашение Египта единственным законным наследником былого могущества Афин, враждебный выпад против Спарты в рассказе о происхождении Феры) позволили датировать само произведение концом 70-х – началом 60-х гг. III в. до н. э.

Новые требования, явившиеся следствием идеологических кампаний конца 1940-х годов, довольно часто исполнялись формально, что приводило к разрывам в последовательном нарративе диссертаций – некоторому обособлению непосредственно самого исследования от учитывавшего общественно-политические веяния Введения. В этом отношении показательной является диссертация Н. С. Гринбаума, которая в сравнении с другими квалификационными работами дает возможность увидеть процесс поиска содержательного наполнения Введения и Заключения в условиях конца 1940-х годов. В работе довольно объемное Заключение (43 страницы), вероятно, поэтому оно получило нумерацию как отдельная глава. Здесь автор представляет творчество

Алкея как порождение сложных социально-экономических процессов VII–VI веков до н. э., приведших к созданию «классового рабовладельческого общества», и изображает греческого поэта как выразителя интересов родовой аристократии, которая вела борьбу с купцами и ремесленниками. Заметим, что у Н. А. Чистяковой подобные сюжеты содержатся в первой главе. Все необходимые цитаты из классиков марксизма-ленинизма Гринбаум помещает исключительно в Заключении. Во Введении (очень коротком, объемом три страницы) этих цитат нет, но дана несколько иная, в сравнении с предшествующими диссертациями по классической филологии, актуализация исследования. Первая и вторая причины обращения к заявленной теме вполне традиционного для подобных работ свойства: увеличение числа фрагментов произведений Алкея за последние 50 лет и отсутствие специальных работ по языку поэта. Третье же направление актуализации – неправильное толкование творчества Алкея «буржуазной» наукой, которая видит в поэте лишь певца любви и вина, старшего современника Сафо¹⁷ – является новацией в диссертациях по античному литературоведению. Однако политически грамотная актуализация темы и сформулированная задача остаются на заднем плане при переходе к собственно исследованию. Думается, не случайно Введение имеет отдельную пагинацию римскими цифрами, которая некоторым образом дистанцирует эту часть диссертации от основного текста. Непосредственно анализ стихотворений Алкея строится по привычной для классической филологии модели: текстологический анализ (разбор дошедших папирусных свитков и средневековых книг) – анализ лексики – анализ стиля. Стилевые изменения у Алкея Гринбаум выводит из статистики употребления тех или иных слов и форм и объясняет, скорее, переменами в психологическом состоянии поэта, который, выступив вместе с другими аристократами против митиленского правителя, потерпел поражение и был изгнан¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, диссертационный нарратив в рамках обозначенного хронологического отрезка не был однороден. На структуре квалификационных сочинений, содержании их отдельных частей сказывалось влияние нескольких факторов: научной традиции, персонального взгляда на проблему, политico-идеологических обстоятельств. На развернувшуюся в 1947/48 учебном году идеологическую кампанию научное сообщество отреагировало усилением требований к формальной стороне представляемых к защите сочинений.

Именно в это время унифицируется титульный лист, закрепляются как неотъемлемые части диссертации Заключение и Список источников и литературы. Исследовательские задачи приобретают более конкретную формулировку и вместе с условно выделяемым разделом «Актуальность» становятся идеологически выверенными. Введение насыщается цитатами из классиков марксизма

и ожесточенной критикой «буржуазной» науки. При этом начинает теряться единство диссертационного нарратива: вводная часть в содержательном отношении несколько отдаляется от основного текста. Диссертация все больше приобретает характер квалификационной работы, предполагающей выполнение прежде всего формальных требований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отметим, что этот учебник вызвал волну обсуждения самого понятия «историографический источник» [5]. См. также критику: [1: 71–72].
- ² Галеркина Б. Агон в структуре греческой трагедии: Дис. ... канд. филол. наук. [Л., 1946]. С. 4.
- ³ Чикалина Т. Н. Структура предложения в памятниках древнейшего римского права: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1943. С. 1–3.
- ⁴ Вулих Н. В. Поззия Катулла (интерпретация и стилистические особенности): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1945. С. 1.
- ⁵ Каракулаков В. В. Теории речи второй половины V в. до н. э. и их отражение в комедии Аристофана: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1948. С. 13.
- ⁶ Лурье С. Я. Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1944. С. 32.
- ⁷ Гринбаум Н. С. Язык Алкея: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1948. С. III.
- ⁸ Полякова С. Семантика образности античного исторического эпоса (5 в. до н. э. – 1 в. н. э.): Дис. ... канд. филол. наук. [Л., 1945]. С. 10–11.
- ⁹ Галеркина Б. Указ. соч. С. 5, 21.
- ¹⁰ Там же. С. 3–4.
- ¹¹ Каракулаков В. В. Указ. соч. С. 2.
- ¹² Чистякова Н. А. «Аргонавтика» Аполлония Родосского (место Аполлония в литературной борьбе III в. до н. э. и образы его главных героев): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949. С. 2.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Дело о защите диссертации Н. А. Чистяковой // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2724. Л. 29.
- ¹⁵ Чистякова Н. А. Указ. соч. С. 248.
- ¹⁶ Там же. С. 239–248.
- ¹⁷ Гринбаум Н. С. Указ. соч. С. I.
- ¹⁸ Там же. С. 150, 155.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871
2. В скуб В. Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М.: Логос, 2005. 256 с.
3. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защиты диссертаций (XIX – начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. М., СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.
4. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 592 с.
5. Исаев Д. П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 98–114. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-98-114
6. Источниковедение: Учебное пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: ИД ВШЭ, 2015. 685 с.
7. Конопаткин В. А. История Римской империи и советская идеология времен Великой Отечественной войны (на материалах «Исторического журнала») // Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 88–95. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-88-95 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html> (дата обращения 12.07.2024).
8. Скворцов А. М. Кафедра классических языков и литературы ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса // Philologia Classica. 2021. № 15 (2). С. 394–410. DOI: 10.21638/spu20.2020.213
9. Скворцов А. М. Кадры решают все? Подготовка кадров по античной истории в 1920–1930-е гг. // Советская древность: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / Отв. ред. С. Г. Карпук. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 7–55.

Original article

Artyom M. Skvortsov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation) ORCID 0000-0002-3287-4154; artyom-skvorcov@yandex.ru

INTRODUCTIONS TO DISSERTATIONS ON ANTIQUITY IN THE 1940s AND SOVIET DISSERTATION CULTURE

A b s t r a c t. The aim of this study is to identify the specific features of dissertation culture among antiquity scholars in the 1940s, based on an analysis of the introductions to dissertations defended at Leningrad State University. The novelty lies in analyzing these qualification papers aimed at receiving an academic degree as a distinct type of historiographical source, based on the research objectives set by the candidates themselves. The relevance is underscored by the growing number of studies on the history of dissertation culture over the past decade; however, historians have yet to establish a satisfactory analytical framework for examining the dissertations themselves. The author finds that initially there was a certain degree of flexibility both in the structure of dissertations and the layout of their introductory sections. However, beginning in the late 1940s, alongside intensified ideological campaigns, the formal requirements for scientific papers submitted for disputation became significantly more stringent. As a result, fractures began to appear in the cohesive narrative structure of dissertations. The introduction became effectively separated from the main body of the text due to the issues it addressed. The language itself became infused with hostile terminology toward “bourgeois” science and incorporated quotations from Marxist literature. The articulation of the topic, the problem statement, and the historiographical review all took on an ideological dimension. These components also served as criteria for assessing the overall quality of the work produced.

K e y w o r d s : Leningrad State University, dissertation culture, history of science, antiquity studies, Soviet science of antiquity

A c k n o w l e d g e m e n t s . The article was written as part of the Russian Science Foundation’s project No 24-28-01315 “Post-war classicism: social order and intellectual space of Soviet specialists in ancient history, 1945–1956”.

F o r c i t a t i o n : Skvortsov, A. M. Introductions to dissertations on antiquity in the 1940s and Soviet dissertation culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):104–111. DOI: [10.15393/uchz.art.2025.1152](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2025.1152)

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. Scientific school of historical source studies: an alternative view. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):69–75. DOI: [10.15393/uchz.art.2023.871](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.871) (In Russ.)
2. Vyskub, V. G. The Russian public-state system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualification. Moscow, 2005. 256 p. (In Russ.)
3. The culture of writing dissertations in the Russian historical and academic community: the experience and practice of preparing and defending dissertations (in the XIX and early XX centuries). (N. N. Alevras, N. V. Grishina, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2022. 464 p. (In Russ.)
4. Druzhinin, P. A. Ideology and philology. Leningrad, 1940s: Documentary study. Moscow, 2012. Vol. 1. 592 p. (In Russ.)
5. Isaev, D. P. “Historiographical source”: problems of the concept’s history and interpretation. *The New Past*. 2019;2:98–114. DOI: [10.23683/2500-3224-2019-2-98-114](https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-2-98-114) (In Russ.)
6. Source studies: Textbook. (M. F. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 2015. 685 p. (In Russ.)
7. Konopatkin, V. A. History of the Roman Empire and Soviet ideology of the Great Patriotic War (on the materials of the “Historical Journal”). *Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(1):88–95. DOI: [10.47475/2542-0275-2024-9-1-88-95](https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-1-88-95). Available at: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html> (accessed 12.07.2024). (In Russ.)
8. Skvortsov, A. M. Department of Classical Languages and Literature of the LIPLH: creation and organization of the educational process. *Philologia Classica* 2020;15(2):394–410. DOI: [10.21638/spbu20.2020.213](https://doi.org/10.21638/spbu20.2020.213) (In Russ.)
9. Skvortsov, A. M. Cadres decide everything? Educating specialists in ancient history in the 1920s and 1930s. *Soviet antiquity: people, institutions, books and the study of ancient world in the USSR*. (S. G. Karyuk, Ed.). Moscow, 2022. P. 7–55. (In Russ.)

Received: 2 August 2024; accepted: 13 January 2025